

«БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ» В ПОЭЗИИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА И А. А. ФЕТА

Т. А. МЕЛИКЯН

Ширакский государственный университет

tamara.melikyan@mail.ru

*Посвящается светлой памяти профессора
Михаила Давидовича Амирханяна*

В данной статье рассматриваются стилистические особенности поэзии Афанасия Фета. Указывается, что лирика Афанасия Фета во многих своих проявлениях подготовила возникновение и развитие символизма, оказала влияние на появление других литературных направлений в русле «Серебряного века». Афанасий Фет считается поэтом-новатором, обогатившим ритмико-метрический строй русской поэзии. Сопоставительный метод научных исследований дал возможность сравнить поэзию Бориса Пастернака с поэзией Афанасия Фета, в особенности, «безглагольные» стихотворения обоих поэтов. В статье указано, что появление Фета в русской поэзии связывают с импрессионистически-пейзажной лирикой, с поэзией мгновений, запечатленной в знаменитом безглагольном стихотворении «Шепот, робкое дыханье...». Целью работы является раскрыть то огромное влияние, которое оказывает фетовская лирика, и в особенности «безглагольные стихотворения» на поэтов «Серебряного века», в частности на лирику Бориса Пастернака. Фета называли импрессионистом в поэзии, а поэтическое творчество Бориса Пастернака уподобляется позднему Фету, религиозно-философскому, духовному, пророческому. В статье указано, что Б.Пастернака с А.Фетом роднит «половодье чувств», «птичий полет» и как пример, приводится стихотворение Пастернака «Определение поэзии». Известно знамени-

тое безглагольное стихотворение Фета «Это утро, радость эта». Заметим, что фетовские безглагольные определения относятся к весне, а пастернаковские – к поэзии. Отмечено, что «безглагольное» стихотворения особенно музыкальны. Безглагольность Фета, как и безглагольность Пастернака, была связана со способностью улавливать мгновенные впечатления жизни, мимолетные ощущения. В стихотворении Б.Пастернака «Во всем мне хочется дойти до самой сути» эти неуловимые моменты названы и обозначены. В статье указано, что тему безглагольности развивали многие поэты Серебряного века. По Г.Иванову, безглагольность – это нищета догоревшей зари. Г.Иванов писал: «Я люблю безнадежный покой». Однако, безглагольность Фета – это не отсутствие надежды, а хрупкость и нежность бытия, и так же реагирует на безглагольность Б.Пастернак. Таким образом, влияние поэзии А.Фета на поэтическое творчество Б.Пастернака связано, в первую очередь, с эпохой Серебряного века, поскольку именно символисты первыми заговорили о преемственности поэзии Фета и поэзии символистов.

Ключевые слова: *безглагольность, Фет, Пастернак, мимолетные ощущения, выразительность, пейзажная лирика, культурное родство, традиция.*

Афанасия Фета и Бориса Пастернака разделяет более вековой промежуток времени, но в их поэзии можно обнаружить определенные черты, которые объединяют их. Оба поэта отличались музыкальностью слога, глубокой психологичностью и интересом к природе.

Оба поэта пытались создать свой, неповторимый мир, где каждый элемент (природа, человек) обретает особую значимость и становится отражением внутренней жизни.

Оба поэта обладали уникальным стилем, который был характерен для их творчества. Фет использовал традиционные формы и ритмы, но при этом придавал им особую музыкальность, а Пастернак экспериментировал с формами, внося в поэзию новые, нестандартные элементы.

На близость поэзии Фета и Пастернака указывал О.Э. Мандельштам, после выхода сборника Пастернака «Сестра моя жизнь». Так, Мандельштам писал в статье «Борис Пастернак» (1923): «Когда явился Фет, русскую поэзию взбудоражило серебро и колыханье сонного ручья, - а уходя, Фет сказал: «И горящую солью нетленных речей». Эта горящая соль каких-то речей, этот посвист, шелканье, шелестение, сверканье, плеск, полнота звука, полнота жизни, полноте образов и чувств с неслыханной силой воспрянули в поэзии Пастернака. Перед нами значительное патриархальное явление русской поэзии Фета» [10, с. 395].

Выражение «горящая соль нетленных речей» – это несколько измененная Мандельштамом строка Фета «И нетленную солью горячих речей» из стихотворения «С бородою седою верховный я жрец». В этом стихотворении описана невинная жертва - чистая девушка и подвергающий ее испытанию жрец:

На тебя возложу я душистый венец,
И нетленную солью горячих речей
Я осыплю невинную роскошь кудрей.
Эту детскую грудь рассеку я потом
Вдохновенного слова звенящим мечом,
И раскроет потомку минувшего мгла,
Что на свете всех чище ты сердцем была [10, с. 200].

Строка «Эту детскую грудь рассеку я потом» отсылает нас к пушкинскому «Пророку» («Духовной жаждою томим»):

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул [9, с. 210].

Таким образом появление Фета в русской поэзией Мандельштам связывает с импрессионистически-пейзажной лирикой, с поэзией мгновений, запечатленной в знаменитом безглагольном стихотворении «Шепот, робкое дыханье, трели соловья». Импрессионистом в поэзии Фета называли многие критики – в частности, А.Дружинин. Поэзию Фета трактовали как попытку запечатлеть уходящее мгновение, во всей его красоте и полноте, поймать «минушую минуту»,

как легкокрылую бабочку. Соответственно, фетовский литературный импрессионизм связывался с импрессионизмом в живописи.

Уход Фета, поздний период его творчества Мандельштам соотносит с духовной лирикой, подобной пушкинскому «Пророку». Однако если у Пушкина шестикрылый серафим рассекает поэту грудь, чтобы вложить в нее пылающий уголь вместо сердца, то у Фета жрец испытывает деву «вдохновенного слова звенящим мечом» и «нетленною солью горячих речей». Именно эту нетленную соль горячих речей находит Мандельштам в поэзии Пастернака, уподобляя поэтическое творчество Бориса Леонидовича позднему Фету, религиозно-философскому, духовному, пророческому. В то же время, по мнению Мандельштама, в творчестве Пастернака живет фетовская безглагольная, импрессионистическая лирика, ее посвист, щелканье, шелестение, сверкание и плеск.

Словосочетание «нетленная соль» восходит к библейскому выражению «соль земли». В Священном Писании соль земли – это избранные, подлинно духовные люди: «Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь её соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить её вон на поприще людям «Евангелие от Матфея: синодальный перевод», 1816-1862 г. «Нетленная соль горячих речей» – это высокое, пророческое слово, сохраняющее в себе горячее дыхание вдохновенного свыше сердца.

«Половодье чувств» Мандельштам находит в стихотворении Пастернака «Определение поэзии»: «Это круто налившийся свист; / Это щелканье сдавленных льдинок, / Это ночь, леденящая лист, / Это двух соловьев поединок» [8, с. 155]. Интересно, что пастернаковское «Определение поэзии» перекликается со стихотворением Фета «Это утро, радость эта»: «Это утро, радость эта, / Эта мощь и дня, и света / Этот синий свод, / Этот крик и вереницы, / Эти стаи, эти птицы...». [10, с. 200].

Только фетовские безглагольные определения-характеристики относятся к весне, а пастернаковские – к поэзии. И Фет, и Пастернак в процитированных выше стихотворениях не используют глаголов, и это придает данным текстам особую выразительность и музыкальность.

В стихотворении «Опять весна» Пастернак опять обращается к безглагольной поэтической речи Фета: «Это, поистине, новое чудо, / Это, как прежде, снова весна. / Это она, это она, / Это ее чародейство и диво, / Это ее телогрейка за ивой, / Плечи, косынка, стан и спина. / Это Снегурка у края обрыва. / Это о ней из оврага со дна / Льется без умолку бред торопливый / Полубезумного болтуна» [8, с. 169].

Снегурочка у края обрыва напоминает нам о двух героинях русской классической литературы: Катерине Островского, бросившейся с обрыва в Волгу, и Вере из романа Гончарова «Обрыв», которая чуть было не стала жертвой революционера Марка Волохова. Кроме того, налицо параллель со Снегурочкой из пьесы Островского и оперы Римского-Корсакова. «По происхождению образ древнегреческой Леды более всего близок любимой героине русского фольклора Снегурочке и Белоснежке германоязычных народов, хотя за тысячелетия функции и роли их значительно изменились» [2, с. 151], – пишет В. Дёмин.

Безглагольность Пастернака, как и безглагольность Фета, была связана со способностью улавливать мгновенные впечатления жизни, мимолетные ощущения. По мнению А. Дружинина, Фет умел закреплять неуловимое, давать образ и название мимолетным ощущениям. Так, А.В. Дружинин писал в статье «Стихотворения А.Фета»: «Поэзия его (Фета) состоит из ряда картин природы, из антологических очерков, из сжатого изображения немногих неуловимых очерков, из сжатого изображения немногих неуловимых ощущений души нашей» [3, с. 146]. Критик продолжал: «Стало быть, сердце читателя радуется от верности этих картин природе, от мастерского исполнения антологических очерков, от умения поэта ловить неуловимое, давать образ и название тому, что до него было не чем иным, как смутным мимолетным ощущением души человеческой, ощущением без образа и названия» [Там же].

По мнению Дружинина, сила и поэтическая мощь Фета состоят в том, что он сумел указать читателю на ту великую роль, которую играют в его жизни именно мимолетные, неуловимые («безглагольные») ощущения. Эти ощущения тесно сплетены с душой человеческой, заставляют ее трепетать и волноваться. Фету, как считает

А.В. Дружинин, удалось поймать и объяснить самые туманные моменты человеческой жизни, разъяснить их и отделить от тумана.

Огромный интерес к таким неуловимым, без образа и названия, мгновениям человеческой жизни присутствует, несомненно, и в поэзии Б.Л. Пастернака. В стихотворении «Во всем мне хочется дойти до самой сути» – эти неуловимые моменты названы и обозначены: «О, если бы я только мог, / Хотя отчасти, / Я написал бы восемь строк / О свойствах страсти. / О беззаконьях, о грехах, / Бегах, погонях, / Нечаянностях, впопыхах, / Локтях, ладонях» [8, с. 181]. Пастернак находит для обозначения неуловимого на редкость точные слова – «нечаянностях, впопыхах, локтях, ладонях».

В стихотворении К. Бальмонта «Безглагольность» это качество связывается с усталой нежностью русской природы, в которой есть «безмолвная боль затаенной печали, / Безвыходность горя, безгласность, безбрежность, / Холодная высь, уходящие дали» [1, с. 170]. По Бальмонту, безглагольность – это покой, глухое и немое утомление, грусть деревенского сада, в которую можно войти, как в волны. В стихотворении «Безглагольность» Бальмонт пишет: «Войди на закате, как в свежие волны, / В прохладную глушь деревенского сада, – / Деревья так сумрачно-странно-безмолвны, / И сердцу так грустно, / И сердце не радо» [1, с. 170]. По Бальмонту, безглагольность – это не только утомление и покой, но и некая грустная мелодия без слов, щемящая тоска.

Тему безглагольности развивали многие поэты Серебряного века, в частности, Г.Иванов. По Г.Иванову, безглагольность – это нищета догоревшей зари и банальности песен без слов. В стихотворении «Я люблю безнадежный покой» Г.Иванов пишет: «Я люблю безнадежный покой, / В октябре хризантемы в цвету, / Огоньки за далекой рекой, / Догоревшей зари нищету... / Тишину безымянных могил, / Все банальности «Песен без слов». / То, что Анненский жадно любил. / То, чего не терпел Гумилев» [4, с. 419].

Стихотворение «Я люблю безнадежный покой» – программное для позднего, эмигрантского творчества Г.Иванова, декларирующее разрыв поэта с эстетикой акмеизма («То, чего не терпел Гумилев»). В то же время это стихотворение отсылает нас к эстетике и поэтике

И.Ф. Анненского, которого акмеисты считали своим учителем. Однако в данном случае Г. Иванов противопоставляет Анненского и Гумилева, указывая, что «безнадежный покой» был дорог именно Анненскому. «Песни без слов» – это название сборника стихотворений Поля Верлена, которого переводил И. Анненский, автор стихотворения «Романс без музыки», отсылающего нас к эстетике Верлена.

Но «безглагольность» Фета, при всей своей музыкальности, в идеологическом, философском плане, отлична от «безглагольности» Бальмонта и Г.Иванова. Фетовская «безглагольность» – это не просто отсутствие действия, воли и надежды, «безнадежный покой», это некая хрупкость и женственность бытия, ускользание мгновений, красота непрочного и уходящего. Впрочем, и у Фета, и у Бальмонта, и у Г.Иванова «безглагольность» связывается с женским и женственным началом бытия, с темой хрупкой и непрочной красоты.

В предисловии к последнему полному изданию стихотворений А.А. Фета в трех томах известный критик и поэт Серебряного века Б.В. Никольский заметил: «Фет... до такой степени поэт будущего, что с полным правом мог бы во главе своих стихотворений поставить знаменитые слова Шопенгауэра: «... через головы современников передаю мой труд грядущим поколениям» [11, с. 57].

Действительно, первое, что приходится отметить при самом общем взгляде на путь, пройденный Фетом в русской поэзии, – это его альтернативность по отношению к определяющим тенденциям развития русской поэзии – от А.С. Пушкина до старших и младших символистов. Влияние поэзии А.А. Фета на поэтическое творчество Б.Л. Пастернака связано, в первую очередь, с эпохой Серебряного века, поскольку именно символисты первыми заговорили о преемственности поэзии Фета и поэзии символистов.

Д.С. Мережковский провозгласил Фета предшественником русских символистов, их духовным учителем. В статьях Д.С. Мережковского, К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова лирика А.А. Фета становится самостоятельным предметом изучения, но анализируется именно в контексте зарождающейся эстетики русского символизма.

Мережковский справедливо называет Майкова, Фета и Полонского жрецами чистого искусства, идеалистами 1840-х гг., которые сумели пронести знамя идеализма и чистого искусства сквозь гонения 1860-х гг. Майков, Фет и Полонский – это действительно совершенно особый творческий союз, неповторимая триада в русской поэзии. Майков так писал о себе и своих друзьях: «Тому уж больше чем полвека, / На разных русских широтах, / Три мальчика в своих мечтах / За высший жребий человека / Считаю чудный дар стихов / Им предались невозвратно... / Им рано старых мастеров, / Поэтов Греции и Рима / Дано почуять красоты...» [7, с. 311].

Итак, и у Фета, и у Пастернака наблюдается такая стилистическая особенность, как безглагольность. Она позволяет обоим поэтам сосредоточиться на деталях, передавая их красоту и уникальность.

За счет использования только прилагательных и существительных достигается эффект сплошного потока чувств, впечатлений и состояний. У обоих поэтов отсутствие глаголов передает плавность, мягкую текучесть, мелодичность. «Безобразие мира велико, но красота мира такова, что живую чувствительную душу может привести в отчаяние» [5, с. 209].

Эту хрупкую и непрочную красоту мира воспевали и Фет, и Пастернак.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бальмонт К.Д.* Стихотворения. М.: Художественная литература. 1990.
2. *Демин В.Н.* Загадки Гипербореи. М.: Вече. 2015.
3. *Дружинин А.В.* Прекрасное и вечное. М.: Современник. 1988.
Иванов Г.В. Собрание сочинений в трех томах. Том первый. Стихотворения. М.: Согласие. 1990.
4. *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник // И.А. Бунин Полн. собр. в 13 т. Т. 13.
5. *Мандельштам О.Э.* Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М.: Альфа-Книга. 2011.

6. *Мережковский Д.С.* Вечные спутники. // А.Н. Майков / Д.С. Мережковский. СПб.: Азбука-Классика. 2007.
7. *Пастернак Б.Л.* Сестра моя – жизнь. М.: Комсомольская правда. Амфора, 2012.
8. *Пушкин А.С.* Библиотека поэта (Большая серия). Стихотворения. Том II. Л., 1955.
9. *Фет А.А.* Вечерние огни. М.: Комсомольская правда. Амфора, 2012.
10. *Фет. А.А.* Полное собрание сочинений в 3-х томах. Т. 1. СПб., 1910.

REFERENCES

1. *Balmont K.D.* Stikhotvoreniya. M.: Khudojestvennaya literatura. 1990.
2. *Demin V.N.* Zagadki Giperborei. M.: Veche. 2015
3. *Drujinin A.V.* Prekrasnoye i vechnoye. M.: Sovremennik. 1988.
4. *Ivanov G.B.* Sobraniye sochinenii v tryokh tomakh. Tom pervii. Stikhotvoreniya. M.: Soglasie. 1990.
5. *Kuznetsov G.N.* Grasskii dnevnik // Bunin I.A. Poln. sobr. v 13 t. T.13.
6. *Mandelstam O.E.* Polnoye sobraniye poezii i prozi v odnom tome. M.: Alfa-kniga. 2011.
7. *Merejkovskii D.S.* Vechniye sputniki. // A.N. Maykov. / D.S. Merejkovskii. SPb. Azbuka-Klassika. 2007.
8. *Pasternak B.L.* Sestra moya-jizn. M.: Komsomolskaya Pravda. Amfora. 2012.
9. *Pushkin A.S.* Biblioteka poeta (Bolshaya seriya). Stikhotvoreniya. Tom II. Leningrad. 1955.
10. *Fet A.A.* Vecherniye ogni. M.: Komsomolskaya Pravda. Amfora. 2012.
11. *Fet A.A.* Polnoye sobraniye sochinenii v 3-kh tomakh. T.1. SPb., 1910.

«ԲԱՅԱԶԻՐԿՈՒԹՅՈՒՆԸ»

Բ. Լ. ՊԱՍՏԵՐՆԱԿԻ ԵՎ Ա. Ա. ՖԵՏԻ ՊՈԵԶԻԱՅՈՒԹՅՈՒՆ

Թ. Հ. ՄԵԼԻՔՅԱՆ

Շիրակի պետական համալսարան

Հոդվածում ուսումնասիրվում են Աֆանասի Ֆետի պոեզիայի
 նման առանձնահատկությունները: Նշվում է, որ Աֆանասի Ֆետի

քնարերգությունն իր բազմաթիվ դրսևորումներով նախապատրաստել է սիմվոլիզմի առաջացումն ու զարգացումը, ազդեցություն թողել «Արծաթե դարի» հոսանքում այլ գրական ուղղությունների ի հայտ գալու վրա: Աֆանասի Ֆետը համարվում է նորարար բանաստեղծ, որը հարստացրել է ռուսական պոեզիայի յիթմա-մետրիկական կառուցվածքը: Գիտական հետազոտությունների համեմատական մեթոդը հնարավորություն տվեց համեմատել Բորիս Պաստեռնակի պոեզիան Աֆանասի Ֆետի պոեզիայի հետ, մասնավորապես՝ երկու բանաստեղծների «բայագուրկ» բանաստեղծությունները: Հոդվածում նշվում է, որ Ֆետի հայտնությունը ռուսական պոեզիայում ասոցացվում է իմպրեսիոնիստական- բնապատկերային քնարերգության և ակնթարթների պոեզիայի հետ, որն արտացոլված է «Շշուկ, երկչոտ շնչառություն...» հայտնի բայագուրկ բանաստեղծության մեջ: Աշխատանքի նպատակն է բացահայտել այն հսկայական ազդեցությունը, որ Ֆետյան քնարերգությունը և հատկապես «բայագուրկ բանաստեղծությունները» թողել են «Արծաթե դարի» բանաստեղծների, մասնավորապես՝ Բորիս Պաստեռնակի քնարերգության վրա: Ֆետին պոեզիայում անվանում էին իմպրեսիոնիստ, իսկ Բորիս Պաստեռնակի բանաստեղծական ստեղծագործությունը նմանեցվում է Ֆետի ավելի ուշ շրջանի՝ կրոնափիլիսոփայական, հոգևոր, մարգարեական ստեղծագործությունների հետ: Հոդվածում նշվում է, որ Բ. Պաստեռնակին և Ա. Ֆետին մերձեցնում են «զգացմունքների հեղեղը», «թռչնի թռիչքը», և որպես օրինակ բերվում է Պաստեռնակի «Պոեզիայի սահմանումը» բանաստեղծությունը: Հայտնի է Ֆետի բայագուրկ նշանավոր բանաստեղծությունը՝ «Այս առավոտը, այս ուրախությունը»: Նշենք, որ Ֆետի բայագուրկ սահմանումները վերաբերում են զարնանը, իսկ Պաստեռնակինը՝ պոեզիային: Նշվում է, որ «բայագուրկ» բանաստեղծությունները հատկապես երաժշտական են: Ֆետի բայագրկությունը, ինչպես և Պաստեռնակի բայագրկությունը, կապված էր կյանքի ակնթարթային տպավորությունները, անցողիկ զգացողությունները որսալու ունակության հետ: Բ. Պաստեռնակի «Ամեն ինչում ես ուզում եմ հասնել էությանն իսկ» բանաստեղծության մեջ այս անորսայի պահերն են անվանվում և նշանակություն ստանում: Հոդվածում նշվում է, որ բայագրկության թեման զարգացրել են Արծաթե դարի շատ բանաստեղծներ: Ըստ

Գ.Իվանովի, բայագրկությունն մարող լուսաբացի աղքատությունն է: Գ. Իվանովը գրել է. «Ես սիրում եմ անհուսալի խաղաղությունը»: Սակայն, Ֆետի բայագրկությունը ոչ թե հույսի բացակայությունն է, այլ գոյության փխրունությունն ու նրբությունը, և Բ.Պաստեռնակը նույն կերպ է արձագանքում բայագրկությանը: Այսպիսով, Ա.Ֆետի պոեզիայի ազդեցությունը Բ.Պաստեռնակի բանաստեղծական ստեղծագործության վրա կապված է, առաջին հերթին, Արծաթե դարաշրջանի հետ, քանի որ հենց սիմվոլիստներն են առաջինը խոսել Ֆետի պոեզիայի և սիմվոլիստների պոեզիայի շարունակականության մասին:

Բանալի բառեր՝ բայագրկություն, Ֆետ, Պաստեռնակ, անցողիկ զգացողություններ, արտասահյունականություն, բնասպտկերային քնարերգություն, մշակութային բարեկամություն, ավանդույթ:

«VERBLESSNESS» IN THE POETRY OF B. L. PASTERNAK AND A. A. FET

T. H. MELIKYAN

State University of Shirak

This article examines the stylistic features of Afanasy Fet's poetry. It is noted that Afanasy Fet's lyric poetry in many of its manifestations paved the way for the emergence and development of symbolism and influenced the rise of other literary movements in the mainstream of the Silver Age. Afanasy Fet is considered an innovative poet who enriched the rhythmic and metric structure of Russian poetry. The comparative method of scientific research made it possible to compare the poetry of Boris Pasternak with the poetry of Afanasy Fet, in particular, the “verbless” poems of both poets. The article notes that Fet's appearance in Russian poetry is associated with impressionistic landscape lyric poetry, with the poetry of fleeting moments, captured in the famous verbless poem “*Whisper, timid breathing...*”. The aim of the work is to reveal the enormous influence that Fet’s lyric poetry, and especially his “verbless

poems,” had on the poets of the “Silver Age,” in particular on the lyric poetry of Boris Pasternak. Fet was called an impressionist in poetry, and the poetic work of Boris Pasternak is likened to Fet’s later period: religious-philosophical, spiritual, prophetic. The article states that B. Pasternak and A. Fet are connected by a “flood of feelings,” a “bird’s flight,” and Pasternak’s poem “*The Definition of Poetry*” is cited as an example. The famous verbless poem by Fet, “*This morning, this joy,*” is well known. Let us note that Fet’s verbless definitions refer to spring, while Pasternak’s verbless definitions refer to poetry. It is noted that “verbless” poems are especially musical. Fet’s verbless style, like the one of Pasternak’s, was connected with the ability to capture the momentary impressions of life, fleeting sensations. In B. Pasternak’s poem “In everything I want to get to the very essence,” these elusive moments are named and designated. The article states that the theme of verblessness was developed by many poets of the Silver Age. According to G. Ivanov, verblessness is the poverty of a fading dawn. G. Ivanov wrote: “I love hopeless peace.” However, Fet’s verblessness is not a lack of hope, but the fragility and tenderness of existence, and B. Pasternak reacts to verblessness in the same way. Thus, the influence of A. Fet’s poetry on the poetic work of B. Pasternak is connected, first of all, with the era of the Silver Age, since it was the Symbolists who first spoke about the continuity of Fet’s poetry and the poetry of the Symbolists.

Key words: *verblessness, Fet, Pasternak, fleeting sensations, expressiveness, landscape lyric poetry, cultural kinship, tradition.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 4 июня 2025 г., подписана к печати в № 2.CXXI (121).2025 30.10.2025.